

УДК 82.0
ББК Ш30DOI: 10.26170/fk18-01-26
ГСНТИ 17.82.09

Код ВАК 10.01.08

К. С. Когут
Екатеринбург, Россия**ТЕКСТ И ПАМЯТЬ****(Рецензия на книгу: Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012. 341 с.)****Ключевые слова:** генетическая память; теория литературы; литературные тексты; культурно-историческая телепатия; история литературы.K. S. Kogut
Ekaterinburg, Russia**TEXT AND MEMORY****(Review of a textbook: Bocharov S. G. The Genetic memory of literature. M.: RSHU, 2012. 341 p.)****Keywords:** genetic memory; literature theory; literature text; cultural and historical mind-reading; history of literature.

История литературы знает немало случаев, в которых авторы, создавая свои произведения, сознательно опирались на опыт далеких предшественников: Данте на античность [Мангель 2017], Тургенев на Данте [Трофимова 2004: 168–182], Толстой на Гомера [Гачев 1968: 117–143] и т. д. Эта «оглядка» на предшествующее слово, глубокое вслушивание в его звучание и ритм, которое неизбежно ведет к диалогу с ним, получило в теории литературы название традиции. Но куда менее известными, а местами и вовсе непонятными, остаются случаи, когда авторы, не зная о своих предшественниках, с редкой точностью повторяют, воспроизводят сделанное ими, как бы произвольно «угадывая» общую траекторию их мысли. Серьезному исследованию этого феномена «угадывания» и посвящена одна из последних книг известного литературоведа С. Г. Бочарова (1929–2017) — «Генетическая память литературы» (2012).

Автор пишет о существовании «странных сближений более или менее удаленных друг от друга в пространстве и времени произведений и текстов, какие невозможно или трудно объяснить прямым влиянием текста на текст или сознательной целью писателя. В этих случаях не работают такие привычные объяснения и понятия, как источники, влияния, традиция, цитата, и остается одно объяснение — *совпадение*» [Бочаров 2012: 7]¹. Говоря о «странных сближениях», С. Г. Бочаров рассматривает рецепцию этого понятия в литературоведении.

Прежде всего исследователь основывается на лаконичном и потому почти загадочном фрагменте, оставленном М. М. Бахтиным в черновых тетрадях к переработке книги о Достоевском (1961–1963). Сегодня, спустя почти полвека, этот фрагмент вызывает неоднозначные толкования, становится толчком к возникновению новых литературоведческих концепций и теорий:

Культурно-историческая «телепатия», т. е. передача и воспроизведение через пространства и времена очень сложных мыслительных и художественных комплексов (органических единств философской и /> или художественной мысли) без всякого уследимого реального контакта. Кончик, краешек такого органического единства достаточен, чтобы развернуть и воспроизвести сложное органическое целое, поскольку в этом ничтожном клочке сохранились потенции целого и лазейки структуры (кусочек гидры, из которого развивается целая гидра и др.) [Бахтин 2002: 323].

В приведенном тексте «телепатия» и «гидра», разумеется, являются метафорами, которые призваны описать едва уловимую, но крайне важную научную проблему, глубинный «нерв» которой сопротивляется и почти не поддается прямому толкованию. Мысль М. М. Бахтина, по сути, служит основанием для разграничения двух подходов к истории литературы. Если первый основан на понятии традиции, т. е. «линейной» преемственности в закономерностях художественного творчества, то второй подход вступает в силу тогда, когда невозможно установить линейную связь между различными звеньями историко-литературного процесса и речь идет об ином способе наследования культурно-исторической «памяти».

С. Г. Бочаров отмечает, что мысль М. М. Бахтина о культурно-исторической «телепатии» так или иначе попадала в поле зрения других ученых, каждый из которых пытался дать этому понятию собственное название, неизбежно прибегая к метафоре: В. Н. Топоров пишет о «резонантном пространстве литературы», И. Б. Роднянская — о «единой кровеносной системе культуры», А. Л. Бем — о «литературном припоминании», А. М. Панченко — о «национальной топике». Несмотря на различные наименования, каждый из исследователей подразумевал один и тот же феномен: литература видится как «общая ткань, которую наработали разные мастера» (14). Никакие смыслы, попавшие на поверхность этой «ткани», не исчезают бесследно. В отличие от интертекстуальности, которая «обезличивает» звучащие голоса,

¹ Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

генетическая память является «проводником» смыслов на огромных временных дистанциях.

Теоретические положения выверяются автором на обширном материале русской литературы XIX–XX веков. Так, вспоминая о монологе «Великого инквизитора» перед молчащим Христом, исследователь обращается к нескольким звучащим репликам: «Не ты ли так часто тогда говорил: „Хочу сделать вас свободными“». Но вот ты теперь увидел этих „свободных“ людей»; «И люди обрадовались, что их вновь повели, как стадо». Лучшим «комментарием» к этим репликам, по меткому наблюдению автора, является всего лишь одна строка из пушкинского стихотворения: «К чему стадам дары свободы?» (1823). Современный читатель не может быть уверен в памяти Достоевского о каждой пушкинской строке, что, правда, не отменяет того факта, что их тексты «помнят» друг о друге: «Поэма об инквизиторе ... *резонирует* стихотворению Пушкина — *резонирует скорее, чем его цитирует*» (16).

Один из самых поразительных и потому труднообъяснимых примеров «работы» генетической памяти С. Г. Бочаров показывает, вглядываясь в образ метели в русской литературе. В «Двойнике» Ф. М. Достоевского господин Голядкин «стал вглядываться ... близоруким взором» в петербургскую вьюгу. Имеет ли эта вьюга что-то общее с последними страницами «Двенадцати» А. А. Блока? И там, и там — сомнение в подлинности видения, которое вызывает ощущение странной подмены: «*а не увидел ли в петербургской метели поэт двойника-самозванца?*» (33). Отсюда — сомнение поэта в том, «что именно Он идет с нами, а надо, чтобы шел Другой». И если учитывать мысль С. Н. Булгакова [Вехи 1991: 323–324] о том, что Прекрасная Дама оборачивается в творчестве Блока Снежной Маской, Незнакомкой, темным существом, то как читателя может не пугать явление «снежного Иисуса»?.. Поражительность схождения усиливается тем обстоятельством, что «Двойнику» и «Двенадцати» предшествовала «Капитанская дочка». Петруша Гринев, вглядываясь в метель, ищет в ней спасения и вдруг видит «что-то черное». Он также не различит еще вполне своего погубителя или спасителя. Мы вновь сталкиваемся с образом двойника-самозванца. Три метели в русской литературе увидены как три события-резонанса, которые нельзя объяснить влиянием текста на текст².

Глубинные «совпадения» и «наложения» одного произведения на другое при столь огромной временной дистанции выявляются исследователем благодаря вниманию к едва заметным деталям, нескольким словам из реплик, микрофрагментам, частным случаям. Такое скрупулезное «погружение» в

художественное произведение и позволяет развернуть его убедительный разбор и, главное, сделать серьезные обобщения о поэтике и художественном мышлении писателя в целом. Такой подход, как нам кажется, восходит к микропоэтическому методу исследования³. Однако для С. Г. Бочарова он важен не столько для комплексного изучения конкретного произведения (такую задачу генетический подход перед собой не ставит), сколько для проявления собой «ткани» смыслов, образованной различными текстами. Оригинальность же генетического подхода заключается в том, что никакими другими методами исследования эту «ткань» различить не получится. Наиболее близкая генетическому подходу методика контекстуально-мотивного анализа, предложенная Б. М. Гаспаровым [Гаспаров 1993: 274–303], все же во многом сосредоточена на изучении структуры отдельно взятого произведения в соотношении с порождающей ее «смысловой средой». Генетический же подход проявляет универсальные и постоянные для истории литературы смысловые «опоры» и, шире, позволяет увидеть литературу как сверхличную «разветвленную память» (13).

Второй раздел книги включает в себя очерки и статьи. Некоторые из них уже публиковались ранее. Тематически они охватывают не только русскую литературную классику XIX века (Пушкин, Гоголь, Тютчев, Толстой, Чехов), но и литературу XX века (Марсель Пруст, Ходасевич). Одно из значительных мест в этом разделе занимает работа о пушкинском «Пире во время чумы». Исследователь исходит из соображения, что «всякая трагедия — как катастрофическое раскрытие таящегося в глубинах — есть скандал» (60). Новое толкование конфликта пушкинской трагедии как «скандала» стало возможным благодаря соотношению отдаленных во времени текстов, выстраивающих парадигму неожиданных сближений: «Пир» Платона — «Эдип-царь» Софокла — «Декамерон» Боккаччо — «Пир во время чумы» Пушкина — «Лето» Пастернака. Эти «вековые прототипы», по мнению исследователя, сближены на огромной временной дистанции при помощи культурно-исторической «телепатии». Только «угадыванием» можно объяснить то, что «роль Священника у Пушкина уподоблена роли таинственной Диотимы на пире Платона» (60); что «Пир» Платона имеет композиционное сходство с «Пиром...» Пушкина — «скандальное вторжение нового лица, правда, столь непохожих лиц, как Алкивиад и Священник» (61); что «Лето» Пастернака хранит в себе па-

² Подобные примеры-совпадения видятся в некоторой степени аргументом в дискуссии с исследователями, отрицающими феномен генетической памяти. См., например, высказывание В. Э. Вацура, которое приводит Л. М. Лотман: «Были случаи, например, когда литературоведы выступали за сближения Пушкина с литературными явлениями, заведомо далекими от него и ему неизвестными. <...> В. Э. был неумолим и слушать не хотел о подобных „авантюристических“ попытках» [Лотман 2005: 33].

³ Серьезное внимание на данный подход применительно к исторической науке один из первых обратил Карло Гинзбург в книге «Мифы — эмблемы — приметы»: «Изображение развевающихся одежд у флорентийских художников Кватроченто, неологизмы Рабле, исцеление золотушных больных королями Франции и Англии — вот лишь некоторые из примеров того, как минимальные признаки раз за разом оказываются элементами, позволяющими выявить более общие феномены: мировидение социального класса, или писателя, или даже целого социума» [Гинзбург 2004: 225]. О микропоэтике как методологии литературоведческого исследования пишет С. Н. Зенкин в «Работах о теории» [Зенкин 2012: 55].

мять как о диалоге Платона, так и о советском 1930 году как чумном времени. В этом же 1930 году погибнет Маяковский, спустя ровно 100 лет после создания пушкинского «Пира...», в котором есть строки о Джаксоне — первом выбывшем из круга...

В одном из очерков С. Г. Бочаров обращает внимание на знаменитый эпиграф к гоголевскому «Ревизору»: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива», находя в нем повод для соотнесения антропологии Гоголя и Достоевского. Основываясь на мысли Вяч. Иванова о «полярной противоположности» этих двух художников («у одного лики без души, у другого — лики души»), ученый обнаруживает третий «прототип» гоголевской философии человека: ад Данте. Но если Данте в аду встречается с душами людей, тела которых еще находятся на земле, то у Гоголя душа обнаруживается запоздало — тогда, когда она уже умерла. Именно по обратной Данте логике («лик без души») воспринимается рассказ о смерти прокурора с густыми бровями в «Мертвых душах»: «Зеркалом души прокурора явилось его бездушное тело» (88).

Обращаясь к творчеству Толстого, исследователь также обращает внимание на неожиданные «совпадения». «Уход» Толстого из Ясной Поляны в Оптину Пустынь восходит к «архетипу ухода», одним из «резонансов» которого станет «Последнее странствование Степана Трофимовича» в «Бесах». Понимая ситуацию «ухода» шире, С. Г. Бочаров возводит ее к традиции отречения авторов от своих творений, которая охватывает не только жизнь Толстого-художника, но и судьбы Гоголя и Пастернака. Биографически-творческие варианты «ухода» Толстого сближены в истории литературы с «религиозным отречением» (169). Так, несчастливым видится то обстоятельство, что «Исповеди» Толстого предшествовала «Авторская исповедь» Гоголя. В обоих случаях, по точному замечанию исследователя, «уход из искусства открывал путь к уходу из жизни» (170).

Очерки, входящие во второй раздел книги, не вызывают у читателя ощущения разрозненности. Напротив, находясь в тесных смысловых перекличках друг с другом, они приближают нас к пониманию литературы как живой «ткани», в которой любой голос и реплика вызывает цепь «резонансов», неожиданных сближений-угадываний.

Третий раздел посвящен другому виду памяти — памяти об ушедших филологах. В галерею портретов входят А. Синавский, С. Аверинцев, А. Михайлов, А. Чудаков, Ю. Чумаков, Р. Хлодовский, В. Айрапетян, А. Журавлева, В. Топоров. Жизненные принципы и ориентиры, которыми руководствовались эти люди, крайне дороги автору книги. Отсюда его бережное внимание к личности каждого из них. Но и здесь не обходится без неожиданных «совпадений»: в определенный момент «портреты» филологов начинают вступать в диалог с очерками предшествующего раздела. И уже далеко не случайной кажется характеристика Пушкина, высказанная С. Аверинцевым, — «мгновенная исключительность»; способность А. Чудакова делать выводы о поэтике художника в целом, основываясь на одной только детали из отдельно взятого произ-

ведения; комментарий Ю. Чумакова к фабуле «Евгения Онегина» через только две сцены из него. А мысль о В. Топорове — «исследователе как художнике» — удивительно «совпадает» с научным стилем автора книги — С. Г. Бочарова: его умением лаконично формулировать сложные литературоведческие проблемы и тщательно отбирать материал, улавливать тончайшие смыслы, которые еще никем не были замечены, но при этом никогда не забывать об опыте своих предшественников.

Книга С. Г. Бочарова намечает новый подход к истории литературы, в основание которого положен метод «генетической памяти». Потенциал неожиданных «совпадений», как показывает автор, поистине огромен и еще ожидает своих исследователей. В свете этого нового подхода по-новому воспринимается мысль У. Эко о том, что степень истинности интерпретации напрямую зависит от объема текстовой памяти интерпретатора [Эко 1998].

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Собрание сочинений / ред. С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготшвили. — М.: Языки славянских культур, 2002. — Т. 6. «Проблемы поэтики Достоевского». Работы 1960–1970 гг. — 799 с.

Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. — М.: РГГУ, 2012. — 341 с.

Вехи. Из глубины. — М.: Правда, 1991.

Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. — М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. — 304 с.

Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм. (Эпос. Лирика. Театр). — М.: Просвещение, 1968. — 302 с.

Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история. Сборник статей. — М.: Новое издательство, 2004. — 348 с.

Зенкин С. Н. Работы о теории: Статьи. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 560 с.

Лотман Л. М. Таким мы его знали // В. Э. Вацуро: Материалы к биографии / сост. Т. Ф. Селезнева. — М.: НЛЮ, 2005. — 688 с.

Мангель Альберто. Curiositas. Любопытство / пер. с англ. А. Захаревич. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. — 472 с.

Трофимова Т. Б. Тургенев и Данте // Русская литература. — 2004. — № 2. — С. 168–182.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб., 1998. — 432 с.

REFERENCES

Bakhtin M. M. Sbornik sochineniy / red. S. G. Bocharov, L. A. Gogotshvili. — M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2002. — T. 6. «Problemy poetiki Dostoevskogo». Raboty 1960–1970 gg. — 799 s.

Bocharov S. G. Geneticheskaya pamyat' literatury. — M.: RGGU, 2012. — 341 s.

Vekhi. Iz glubiny. — M.: Pravda, 1991.

Gasparov B. M. Literaturnye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature XX veka. — M.: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1993. — 304 s.

Gachev G. D. Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form. (Epos. Lirika. Teatr). — M.: Prosveshchenie, 1968. — 302 s.

Ginzburg K. Mify — emblemy — primety: Morfologiya i istoriya. Sbornik statey. — M.: Novoe izdatel'stvo, 2004. — 348 s.

Zenkin S. N. Raboty o teorii: Stat'i. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. — 560 s.

Lotman L. M. Takim my ego znali // V. E. Vatsuro: Materialy k biografii / sost. T. F. Selezneva. — M.: NLO, 2005. — 688 s.

Mangel' Al'berto. Curiositas. Lyubopytstvo / per. s angl. A. Zakharevich. — SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2017. — 472 s.

Trofimova T. B. Turgenev i Dante // Russkaya literatura. — 2004. — № 2. — S. 168–182.

Еко У. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. — SPb., 1998. — 432 s.

Данные об авторе

Константин Сергеевич Когут — кандидат филологических наук, преподаватель литературы и русского языка, Екатеринбургский автомобильно-дорожный колледж (Екатеринбург).

Адрес: 620062, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 91.

E-mail: kosfunpix@yandex.ru.

About the author

Konstantin Sergeevich Kogut, Candidate of Philology, Teacher of Literature and Russian Language, Ekaterinburg Automobile and Road College (Ekaterinburg).